

Субъективные аспекты новой Концепции внешней политики России

Алексей ПОДБЕРЁЗКИН

Роль субъективных факторов в политике

Субъективные факторы, прежде всего роль личности в истории государств, её влияние на выбор национальной стратегии, непосредственно зависят от политико-идеологических представлений и субъективных установок, а также отношений внутри правящей элиты. Это не всегда учитывается, а в России порой и упорно отрицалось: со времён А.Н. Яковлева в СССР и России идеология сознательно выносилась за скобки политического анализа. Её постепенное возвращение в политику стало очевидным только в 2022 г., после начала СВО.

Оценки и прогнозы неизбежно стали более идеологизированными.

Обзор таких оценок был сделан в новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, которая явилась шагом к возвращению идеологии [1]. Тем важнее становится мониторинг происходящих субъективных изменений взглядов правящей элиты России. Эти взгляды – ключевое понимание стратегии страны, её влияния в мире.

Формула внешнего влияния государства (по Кларку) состоит из двух множителей: первый – показатели совокупной мощи государства

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович – доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, директор Центра Военно-политических исследований МГИМО МИД России – Концерна ВКО «Алмаз-Антей». E-mail: podberezkin@gmail.com

Ключевые слова: национальная стратегия, роль личности в истории, правящая элита, концепция национальной безопасности.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Ст. 11 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>

и второй – произведение стратегии (главной идеи) на политическую волю. Если второй множитель (эффективность стратегии) близок к нулю, то и все усилия применения всего потенциала страны обнуляются. Другими словами, показатели совокупной мощи государства (первый множитель) могут стать бесполезными, если второй множитель неэффективен.

Таким образом, эффективность стратегии, а также роль политической воли во многом предопределены идеологической мотивацией. В современной России, где эта область долгие годы находится в искусственном упадке, происходила недооценка этих субъективных факторов как из-за чрезвычайно негативной их роли, так и личностей её носителей (не только М. Горбачёва и Б. Ельцина, но практически всех представителей советско-российской правящей элиты).

Игнорирование КПСС политико-идеологических аспектов развития страны в 70-е и 80-е годы привело в итоге к глубокому социально-политическому кризису в СССР, в том числе и в области национальных отношений, роста национализма, сепаратизма и русофобии*, а также

других антисоветских и антипартийных течений.

В современной России начался процесс «возвращения идеологии», который нередко идёт не только непоследовательно, но часто и вопреки настроениям правящей элиты.

Современное состояние национальной стратегии России в большей степени опирается на патриотизм как национальную идею, но, как и в СССР, часто носит формальный, не всегда продуманный и обоснованный характер. Однако «парадно-казённый», закреплённый в государственных СМИ патриотизм не стал обоснованной концепцией, лежащей в основе Стратегии национальной безопасности. Как и «коммунистическая идея» 70-х годов в СССР, такой патриотизм выхолащивает суть национальной стратегии, а не развивает её.

Влияние субъективных факторов на формирование политики и стратегии государств исключительно важно. Нередко оно сознательно недооценивается, хотя в современной истории России играло исключительно важную роль [2, 3, 4]. Это относится ко всем уровням государственной системы: если на высшем уровне некоторые объективные про-

² Подберёзкин А.И. Национальная стратегия в 20-е годы XXI столетия: возможные и вероятные варианты // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. Сб. материалов круглого стола ВАГШ ВС РФ (19 августа 2022 г.) / под общ. ред. А.С. Коржевского. М.: УМЦ, 2022. С. 365–376.

³ Подберёзкин А.И., Родионов О.Е. Современная национальная стратегия России в области военной безопасности: монография. М.: МГИМО-Университет, 2022.

⁴ Подберёзкин А.И. Стратегия национальной безопасности и стратегическое планирование в условиях резкого обострения военно-политической обстановки // Трансформация войны и перспективные направления развития содержания военных конфликтов. Сб. материалов круглого стола ВАГШ ВС РФ. М., 2023. С. 86–101.

* Русофобия сохранялась в период всего существования СССР и особенно проявилась в конце 80-х годов практически во всех советских республиках. Но эта проблема есть и в настоящем времени как в эмигрантской среде, так и в России.

цессы и тенденции могут ограничивать субъективные решения^{*}, то на более низких такие решения вообще сложно проконтролировать. Здесь субъективизм может прямо противоречить всей государственной политике.

В области анализа безопасности и развития национальной стратегии принципиально важна как недооценка, так и переоценка роли субъективных факторов, их значение относительно объективных факторов, формирующих стратегию государства.

Так, например, для национальной стратегии СССР/России в 80-е годы прошлого века и первые десятилетия нынешнего столетия роль субъективного фактора – личности М. Горбачёва, Б. Ельцина, В. Путина – имела огромное значение, многократно превосходящее значение лидеров других стран в эти же годы.

До сегодняшнего дня у нас нет устоявшейся теории и методологии в данной сфере, а все идеи опираются на немногие теоретические работы, которые, как правило, тщательно избегаются политиками и военными.

Широкая публичная дискуссия в российских СМИ о современной политике и стратегии государств в области национальной безопасности, состоянии международных отношений и, в частности, военно-политической и стратегической обстановке

(ВПО и СО) имеет целый ряд существенных недостатков, связанных прежде всего с глубиной анализа этой проблемы [5]. Как правило, на поверхности не только публичных, но и многочисленных научных дискуссий остаются в большей степени вопросы пропаганды или – ещё чаще – контрпропаганды, когда субстантивная, содержательная часть вопроса сознательно остаётся в тени или просто игнорируется^{**}.

Главное в этой дискуссии – сохранение и защита национальной идентичности (это очень хорошо понимают, например, в Польше, странах Прибалтики и на Украине). Это во многом зависит от многочисленных субъективных, порой кажущихся незначительными решений. А возвращение идентичности, реализма и национальной специфики в России происходит медленно, встречая сопротивление социально-либеральных групп не только в среде «творческой интеллигенции», но и более широких слоях общества, попавших с конца 80-х годов под влияние западных культурно-социальных стереотипов.

Особенность современной России, так же как и верхушки КПСС, разделённой на «охранителей» и «прогрессистов», – существование в правящей элите страны двух лагерей, каждый из которых опирается на свои приоритеты в выборе системы ценностей – национальные или

⁵ Подберёзкин А.И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки. М.: Юстицинформ, 2021.

^{*} Вместе с тем субъективные «прорывы», свойственные крупным государственным деятелям (от Наполеона до Хрущёва, независимо от их направленности), ведут к огромным сдвигам. Достаточно привести примеры Гитлера и Горбачёва.

^{**} В этом отношении выгодно отличаются спецслужбы, чья роль резко возросла и чьи публичные доклады приобрели особенное значение (Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligent Community. Office of the Director of National Intelligence. Wash., 2021. April, 9. P. 9).

групповые, а также личные. Соотношение сил между этими частями до конца не определено и во многом зависит от субъективного фактора – личности и характера В.В. Путина и его окружения.

Но, как и в СССР, точнее в КПСС, нельзя исключить, что в российской элите появится некий А.Н. Яковлев, который в итоге заявит, что «всю жизнь боролся с КПСС», или, как Е.М. Примаков, который скажет, что всегда был частью «внутрисистемной оппозиции».

Медленное возвращение страны к своей идентичности связано не только с общим падением значения науки как в мире, так и в России в последние десятилетия [6], но и с западной политикой дезинформации, превращённой в одно из основных средств силовой политики против России, а также стремительным замещением в нашей стране остатков научного знания в области безопасности примитивной публицистикой и журналистикой, часто очень некачественной, за которой не стоят научные проработки либо видна рука западных «соавторов» и «партнёров» [7]. Понятия «объективность» и «ответственность», которые никогда в политике не абсолютизировались, стремительно деградируют.

Главной же причиной падения научных знаний в социальной и гуманитарной областях стал договор внутри правящей элиты России о запрете на идеологию – компромисс, цель которого – запрет на реальную политическую борьбу [8].

В результате такого договора в политологии и общественных науках в последние 30 лет, как заметил политолог А. Халдей, сформировалось «господство политического языка, который стал неполитическим», когда «любая политизация – означала изгнание на периферию и лишение его носителей легитимности» [9].

Это – фактический запрет на развитие стратегического планирования как важнейшую часть всего стратегического мышления, ограничивая его частными, тактическими задачами [10]. Нередко их называют «прагматическими, конкретными», «практическими» и т. п. задачами, противопоставляя «идеологическим» («стратегическим») задачам.

Даже в тех случаях, когда «владелец стратегии» России В.В. Путин говорит о стратегических задачах, как, например, о демографии и качестве жизни граждан (13 октября 2021 г.), то эти цели не являются стратегически обоснованными, согласованными и обеспеченными механизмом реализации, а выглядят как очередное публично-деклараци-

⁶ Подберёзкин А.И. Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020.

⁷ Подберёзкин А.И., Александров М.А., Артамонов Н.В. Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса: монография / отв. ред. А.И. Подберёзкин. М.: МГИМО-Университет, 2021.

⁸ Подберёзкин А.И. Война и политика в современном мире. М.: Международные отношения, 2020.

⁹ Халдей А. Что делать с ненадёжностью политической элиты России? // Регнум. 2021. 2 марта // URL: <http://regnum.ru/news/polit/3203621>

¹⁰ Андрианов К.Н., Любимов А.П., Побываев С.А. [и др.]. Необходимость и важнейшие направления развития системы стратегического планирования социально-экономического развития в РФ // Представительная власть – XXI век. 2020. № 1–2.

тивное заявление. Это прежде всего связано с тем, что такая стратегия не является национальной идеей (институтом национального развития) в полном смысле этого слова [11].

Хуже, когда, говоря о «прагматизме» стоящих задач, стремятся избежать обсуждения стратегических задач внешней и военной политики.

Напротив, в США политико-идеологические вопросы внешнеполитической и военно-политической стратегии всегда остаются в центре внимания.

За действиями российского командования на передовой, например, пристально следят идеологические американские эксперты, поскольку этот опыт однозначно им пригодится для противостояния с Китаем (по словам военного обозревателя

Дж. Митра, Пентагон уже начал разрабатывать Стратегию национальной обороны на 2024 г.) [12].

В последнее время в США считают, что они неизбежно столкнутся с проблемой двух фронтов.

В настоящее время Америка снабжает Украину из устаревших избыточных оборонных запасов, а Тайвань получает новейшее вооружение за счёт прямых продаж. Очевидно, что конфликта с Китаем США опасаются куда больше, чем проблем, связанных с Киевом.

По мнению Дж. Митра, пристальное внимание Вашингтона к Киеву нарушает баланс сил в Индо-Тихоокеанском регионе и противоречит стратегическим целям США.

Субъективный фактор в формировании стратегии, в том числе Стратегии национальной безопасности России (СНБ), приобретает возрастающее значение.

Субъективность идеологии и политики как системообразующей базы стратегии

Итак, в основе любой государственной (национальной, включая военную) стратегии находится идеология, которая является некоей системой доминирующих в обществе или, как минимум в части правящей элиты, взглядов не только на систему ценностей и национальных интересов, но и на цели и способы развития государства и обеспечение его безопасности [4].

На рис. представлена упрощённая модель политической идеологии как системы взглядов, которая достаточно универсальна в каче-

стве именно абстрактной модели, для того чтобы:

- *во-первых*, обозначить основные факторы, участвующие в политическом процессе;
- *во-вторых*, указать на взаимосвязь и взаимозависимость между ними;
- *в-третьих*, показать роль и значение этих факторов;
- *в-четвёртых*, показать особое значение человеческого сознания и восприятия этих факторов, субъективность оценок, прогноза и представлений.

¹¹ Подберёзкин А.И., Родионов О.Е. Институты развития человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики // Обозреватель-Observer. 2021. № 7.

¹² Изумрудная Я. В чём состоит новая стратегия РФ «Суровикин 2.0» // Главный канал ТВ. 2023.30.03 // URL: <https://glavny.tv/last-news/omsk/putin-zayavil-o-tom-chto-v-omskoy-oblasti-est-mnozhestvo-nereshennyh-zadach/>

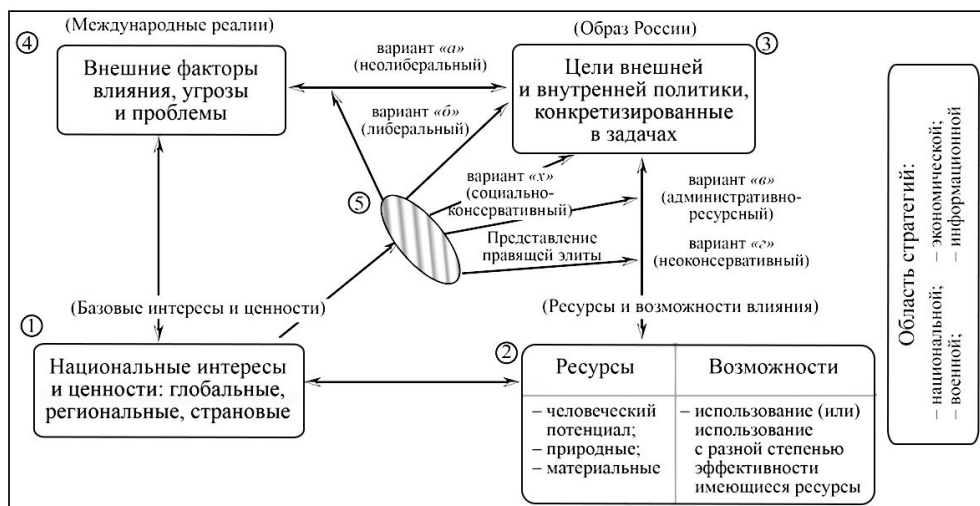

Рис. 1. Модель идеологии как системы для национальной стратегии

В основе целеобразования лежит система национальных интересов и ценностей. Отказ от идеологии – это прежде всего уход от какой-либо системы взглядов, т. е. бессистемность, хаос, отказ от целеполагания, а также поиска эффективных средств и способов достижения поставленных целей. В результате неизбежно обнажаются истинные замыслы. Поэтому те исследователи, которые ставят под сомнение западные либеральные парадигмы, включая отрицание необходимости идеологии, немедленно обвиняются в «публицистичности», «ненаучности» и просто «отсталости».

Именно этот приём стал классическим у политологов – воспитанников Сороса.

Таких «воспитанников-соросят» немало сегодня в институтах РАН, в большинстве российских

НИИ и университетах, в том числе в самых престижных*. Более того, они занимают в них административные посты, которые позволяют им заниматься формированием научных и учебных программ, продвигая западные критерии и принципы [13], программируя заранее проигрыш в информационной войне [14].

Нормальный политический язык исчез, а на смену ему пришла некая абстрактная двусмысленная каша, выдаваемая за научный аппарат, который основывается на многочисленных западных концепциях и идеях, внедрённых в российский политический дискурс, в том числе и при помощи либеральных представителей власти, в особенности в министерствах, администрациях, аппарате правительства и государственных фондах. Это крайне негативно отражается на анализе международных отношений (МО) и военно-политической обстановки (ВПО) и соответственной стратегии государства [2].

¹³ Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблишер, 2021.

¹⁴ Ильишский А.М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8.

* «Патриотическая революция» в России после 2014 г., надо признать, отнюдь не охватила всю правящую элиту страны. Даже в 2023 г. эта революция стала частью мировоззрения только некоторых сегментов правящей элиты.

Эта тенденция сознательно поддерживается не только из-за рубежа, но и в России разного рода «условиями» для оценки научных публикаций, критериями аттестаций в НИИ и университетах, победы в платных НИР, когда любую работу могут объявить «не научной» (в СССР называли в таких случаях «публицистической») в силу её «идеологизированности».

В конечном счёте сформировалась влиятельная прослойка общественников, которые своим птичьим языком защищают «деидеологизированный компромисс» внутри научных элит, но одновременно лишают политику содержательности и эффективности, идеализируя политическую лояльность, которая пока что прикрывает традиционный потенциал предательства российской элиты, накапливавшийся с XX съезда КПСС, и стремление скрыть реалии прежде всего политические, хотя и не только.

В меньшей степени этот разрушительный процесс затронул военно-политическую область, хотя и в ней появилась группа «диванных стратегов», представители которой активно соревнуются в электронных СМИ с журналистами.

Как правило, эти «исследователи» не только не имеют никакого практического (тем более военного) опыта, но и не считают необходимым знакомиться со специальными исследованиями [15].

Между тем военно-политический анализ, в частности анализ влияния

изменений в средствах и методах вооружённой борьбы и силового противостояния на политику безопасности государства, о которых говорил ещё Б. Лиддел Гарт, остаётся обязательным условием политического и военного планирования, без которого невозможно ни разработать эффективной стратегии, ни «руководящей идеи»^{*} для внешней политики.

Непрерывные изменения в средствах и условиях ведения вооружённой борьбы немедленно и непосредственно отражаются на состоянии стратегической обстановки (СО), характере войн и вооружённых конфликтов, а в конечном счёте влияют на формирование сценария (и его конкретного варианта) развития ВПО и МО.

Это обстоятельство, безусловно, учитывается в современной стратегии США, в частности, об этом говорится во Временном руководстве для СНБ (опубликовано в марте 2021 г.) [16].

В основе военно-политического анализа традиционно лежит анализ развития наиболее вероятного сценария развития МО и ВПО и его конкретного варианта, но далее требуется его уточнение и корректировка. Как и в стратегии, которая является самым общим планом, требующим корректировки. Поэтому прежде всего в анализе ВПО надо исходить из того факта, что необходимо максимально широко проанализировать

¹⁵ Подберёзкин А.И. Современное мироустройство, силовая политика и идеологическая борьба. М.: Международные отношения, 2021.

¹⁶ Biden J.R. Interim National Security Strategy Guidance. Wash.: White House, 2021, March.

^{*} Руководящая идея – термин, использовавшийся широко одним из русских военных теоретиков Е.И. Мартыновым в качестве эквивалента точного политического целеполагания (Мартынов Е.И. Политика и стратегия. Сб. трудов. М.: Финансовый контроль, 2003).

Такой «руководящей идеей» Дж. Байдена является, например, «уникальная цивилизация Америки» (Biden's Speech to Congress: Full Transcription).

любые события и тенденции в военно-политической области на уровне не только конкретных стратегических ситуаций и войн, но и в более крупном масштабе – МО и ВПО, для того чтобы дать точную характеристику состояния современного сценария развития ВПО [8].

Такое уточнение и корректировка абсолютны необходимы, потому что как минимум все три основных метода оценки: научно-объективный, субъективный и учёт влияния энтропии* дают не всегда точные, иногда даже искажающие реальность сигналы, а порой прямо противоположные оценки и прогноз развития ВПО. Тем более когда в основе такого анализа находится отношение того или иного субъекта к России [1].

Существующие традиционно методы анализа ВПО и СО малоэффективны и могут быть только вспомогательными, дополнительными, как существующие на Западе [17].

Так, наиболее популярные и традиционные методы (*количественные методы*) «объективного научного анализа» военной мощи** очень часто не отражают, например, не только качественные параметры военной

мощи – доли вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), готовой к применению, её качественных характеристик, степени подготовки личного состава, уровень политического управления и военного искусства и т. д. [18], но и другие важнейшие факторы силовой политики государств, например, качество и количество институтов развития человеческого капитала (ИР НЧК).

Это делает подобный анализ изначально неверным, а не просто не точным, ибо искажает соотношение сил в мире и основные процессы развития МО и ВПО***.

Тем не менее эти оценки и исследования до настоящего времени находятся в центре внимания экспертов, в особенности когда они используют количественные методы анализа больших информационных массивов с применением различного рода индексов и коэффициентов [19].

Этот минобороновский подход остаётся основным при анализе МО и ВПО, хотя существовало немало попыток его изменить. Он восходит исторически к временам Наполеона (и Мольтке), который считал, что «нет никаких определённых правил; всё зависит от замысла генерала, от боеспо-

¹⁷ Rabin A., Davis L., Geist E., Yang E. [et al.]. The Future of the Russian Military. Report. RAND Corporation, 2019.

¹⁸ Зарудницкий В.Б. Факторы достижения победы в военных конфликтах будущего // Военная мысль. 2021. № 8.

¹⁹ Дегтерёв Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М.: РУСАИС, 2020.

* Энтропия в ВПО – мера неопределённости появления какого-либо неизвестного фактора (либо превращение незначительного в значимый фактор) и их влияния на формирование ВПО.

** Военная мощь государства (ВМГ) – совокупность постоянно задействованных материальных, интеллектуальных и духовных сил государства, которые оно способно мобилизовать для вооружённой борьбы. ВМГ не равноценна военной мощи нации, которая представляет собой более широкое понятие, включающее не только ресурсы государства, но и всей нации, её институтов, в том числе и за рубежом.

*** В последние годы ряду учёных, в частности НИИ № 46 МО РФ, удалось отчасти избежать подобных упрощений в интересах военного планирования.

собности его войск, времени года и тысяч прочих факторов...» [20].

Другой подход, как правило, отнесётся к *субъективным решениям* политического руководства.

Примером стал М. Горбачёв и МИД 80-х годов (а также отчасти ЦК КПСС и институты АН СССР).

Этот подход, как правило, сведён к привычному «экспертному» анализу, который в действительности был субъективным мнением отдельных личностей – от Н. Хрущёва до А. Яковлева и Г. Арбатова и прочих академиков от гуманитарной науки.

Для многих такой анализ политических и военных намерений основывался на выражениях типа «как сказал...». Он изначально был даже не просто субъективен, но и мог носить заведомо искажающий действительность характер. Как, например, А.Н. Яковлев, который, как и Э.А. Шеварднадзе, искренне и настойчиво боролся не столько против КПСС, сколько против своей страны.

В последние десятилетия можно наблюдать очевидную инфляцию политических авторитетов, норм международного права и значения политико-дипломатической деятельности в целом, которые уступают своё значение и место заявлениям в социальных сетях, быстрой смене политического курса и росту политической безответственности. Это делает анализ состояния СО в мире и его влияния на развитие ВПО такими методами наименее точным, а прогноз военнополитических отношений и действий на этой основе – сомнительным.

Тем не менее анализ субъективных представлений политических и военных деятелей, оценки экспертов и учёных позволяет в определённой степени уточнить и скорректировать анализ, основанный на изучении со-

отношения сил и развития объективных процессов и факторов [13].

Третий подход – *системный сценарный анализ*, основанный на анализе всех основных групп факторов и тенденций, формирующих МО и ВПО, отчасти учитывающий нарастающую энтропию в международных делах, к сожалению, пока что не привёл к появлению апробированных научных методик: понимания влияния хаоса и энтропии, случайных и незначительных факторов. Хотя теперь уже можно, используя разные методики, выстраивать долгосрочные и вполне реалистические тенденции развития МО и ВПО, в том числе и отдельных сценариев. Однако подобная работа требует огромных ресурсов, в том числе человеческих, которых в России явно мало [7].

Мы пока не научились использовать эти знания. Тем не менее уже сегодня видно как минимум, что:

- энтропия в формировании МО и ВПО *нарастает стремительно*. Порой частный и незначительный внешний фактор превращается в сложную тенденцию, дестабилизирующую МО и ВПО, как это произошло, например, в 2020 г. с пандемией коронавируса;

- энтропия становится следствием *сознательной политики части правящей элиты США* и их союзников в отношении дестабилизации ВПО и внутривнутриполитической обстановки целого ряда государств. Главная цель – подорвать суверенитет государств и независимость их правящих элит.

Именно *сознательное формирование энтропии в мире* стало целью объединения «демокра-

²⁰ Фрайтаг-Лорингховен Г. фон. Полководческое искусство. М.: АСТ, 2019. С. 29.

тов» против Д. Трампа в 2020–2021 гг., когда «глобалисты» выступили силовыми методами против «националистов».

На это обстоятельство ещё в январе 2021 г. обратил внимание В.В. Путин в своём выступлении на Давосском форуме: «Некоторые эксперты – я с уважением отношусь к их мнению – сравнивают текущую ситуацию с 30-ми годами прошлого века. С такой ситуацией можно соглашаться, можно не соглашаться. Но по многим параметрам, по масштабу и комплексному, системному характеру вызовов, потенциальных угроз определённые аналогии всё-таки напрашиваются. Мы видим, как и прежде в истории человеческих цивилизаций, кризис прежних моделей и инструментов экономического развития [11]. Усиление социального расслоения: как на глобальном уровне, так и в отдельных странах. ...Но это, в свою очередь, сегодня вызывает резкую поляризацию общественных взглядов, провоцирует рост популизма, правого и левого радикализма, других крайностей, обострение и ожесточение внутриполитических процессов, в том числе в ведущих странах» [2].

Переходя к анализу МО и ВПО, В.В. Путин отметил, что «всё это неизбежно сказывается и на характере международных отношений, не добавляет им стабильности и предсказуемости. Происходит ослабле-

ние международных институтов, множатся региональные конфликты, деградирует и система глобальной безопасности... Как известно, неспособность и неготовность разрешать подобные проблемы, по существу, в XX веке обернулись катастрофой Второй мировой войны... ситуация может развиваться непредсказуемо и неуправляемо. Если, конечно, ничего не предпринимать для того, чтобы этого не случилось. Есть вероятность столкнуться с настоящим срывом в мировом развитии, чреватый борьбой всех против всех, с попытками разрешить назревшие противоречия через поиск “внутренних” и “внешних” врагов, с разрушением не только таких традиционных ценностей (мы в России дорожим этим), как семья, но и базовых свобод, включая право выбора и неприкосновенность частной жизни. ...социальный и ценностный кризис уже оборачивается негативными демографическими последствиями, из-за которых человечество рискует потерять целые цивилизационные и культурные материки» [21].

В реальности в 2021 г. мир уже оказался расколотым на военно-политические союзы, так или иначе представляющие разные цивилизации, центры силы и системы ценности, причём именно западная ЛЧЦ* заявила открыто о силовом продвижении своих ценностей в мире. Коллективный Запад, объ-

²¹ Стенограмма выступления Путина на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021». 27.01.2021 // URL: president.org/27/01/2021

* Локальная человеческая цивилизация – цивилизационно-политическая общность ряда государств и акторов, как правило, во главе с лидером, которая является основой для формирования военно-политической или иной коалиции, «удобный инструмент, чтобы отличить знаковое событие от рядового» (Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. С. 38).

единяющий не только страны ЕС и НАТО, но и более 50 «партнёров», поддерживающих в той или иной степени лидеров западной коалиции, совершенно определённо взял курс на усиление цивилизационной и политической составляющей противоборства разных ЛЧЦ и политических систем.

Администрация Дж. Байдена в ещё большей степени усилила этот акцент, что было видно из скандальной оценки Байденом В.В. Путина и не менее скандальной встречи с руководством КНР, а также на итоговой встрече-совещании лидеров НАТО и ЕС (23–24 марта 2021 г.), посвящённой инициативе НАТО-2030, направленной на будущее развитие союза [22]. Характеризуя направление дискуссии, генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг объяснил: «Мы должны быть смелыми и амбициозными, чтобы построить более сильный альянс для будущего, потому что мы живём в более опасном и конкурентном мире, где проблемы не знают границ». Он также отметил, что «сейчас есть возможность открыть новую главу в трансатлантических отношениях» [23].

Специальное заседание 24 марта 2021 г. (вместе с «партнёрами» – Финляндией и Швецией, а также верховным представителем ЕС Баррелем) было отведено для обсуждения России. Его содержание уже изначально было определено генеральным секретарём НАТО: «Россия продолжает подавлять мирных диссидентов у себя дома и демонстрирует образец агрессивного поведения за

рубежом, включая кибератаки и попытки вмешаться в наши выборы и подорвать наши демократии. Как Североатлантический союз, мы по-прежнему привержены нашему двойному подходу к России: сильное сдерживание и оборона в сочетании с открытостью к конструктивному диалогу, в том числе по таким вопросам, как контроль над вооружениями».

Таким образом, западная ЛЧЦ и военно-политическая коалиция ещё раз в 2021 г. чётко определила свою позицию усиления силового противоборства с другими ЛЧЦ и державами, прежде всего с Россией, в информационно-политической области, фактически уже вступив в войну с Россией [14].

Формирование нового миропорядка и системы МО–ВПО характеризуется мощной тенденцией усиления влияния информационно-когнитивных ресурсов на политику, прежде всего на формирование позиции правящей элиты. При этом самыми разными способами ликвидируется или сокращается контроль государства над информационными ресурсами.

Достижения искусственного интеллекта (ИИ) и развитие больших баз данных (ББД) позволяют предполагать, что движение в этом направлении будет достаточно быстрым.

ББД позволяют оперативно получать качественно новую информацию, обрабатывать её и передавать исполнителям. Анализ больших данных позволяет получить новую, ранее неизвестную информацию (табл.).

²² Министры иностранных дел стран НАТО встретятся во вторник и среду (23–24 марта 2021 г.), чтобы подготовить почву для предстоящего саммита в Брюсселе // URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_182569.htm

²³ Цит. по: Подберёзкин А.И. Риск начала Третьей мировой войны не просто сохраняется, он стремительно усиливается // Национальная оборона. 2021. № 4.

Разница основных подходов *

Традиционная аналитика	Big data аналитика
Постепенный анализ небольших пакетов данных	Обработка сразу всего массива доступных данных
Редакция и сортировка данных перед обработкой	Данные обрабатываются в их исходном виде
Старт с гипотезы и её тестирования относительно данных	Поиск корреляций по всем данным до получения искомой информации
Данные собираются, обрабатываются, хранятся и лишь затем анализируются	Анализ и обработка больших данных в реальном времени по мере поступления

Анализ от частного к общему (метод индукции) во многом аналогичен методу применения ББД. Он позволяет скорректировать неточности и недостаток информации, субъективизм, которые неизбежно присутствовали при построении развития ВПО методом дедукции.

Подобные коррективы имеют огромное практическое значение для понимания сути процесса формирования ВПО и его результата. Метод применения ББД, апробированный в Центре военно-политических исследований МГИМО-Концерна ВКО «Алмаз-Антей» при работе над обоснованием системы исходных данных для гособоронзаказа, показал, что использование для анализа тысяч факторов и сотен тысяч параметров вполне возможно, даже эффективно [24].

Там, где это возможно и необходимо, в результате оценки данных стратегической обстановки в мире и на отдельных ТВД, предполагается скорректировать принятые положения или даже существенно их изменить, если конкретные условия будут вступать в принципиальные противоречия с предлагаемой концепцией развития ВПО, которая выступает объектом анализа относительно более

частного предмета такого анализа – стратегической обстановки [18].

Этот метод индукции крайне важен для исследования состояния и перспектив развития ВПО, потому что детали, даже вполне субъективные в политике и военной области, имеют чрезвычайно важное, порой решающее значение **. Нередко эти частные и субъективные моменты в политике и военном искусстве даже пересиливают значение объективных факторов, что позволяет порой говорить некоторым авторам об отсутствии возможности изучения и научного анализа политических процессов, а тем более военного искусства.

Примеров таких решений в политике и военной области множество. Достаточно обратиться к любым мемуарам политиков и военачальников, например бывшего директора ЦРУ Дж. Тенета, ко-

²⁴ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: Граница, 2018.

* Существует масса определений, подходов и оценок, среди которых на данном этапе требуется обозначить принцип: любая информация, в том числе неструктурированная и из разных источников, используется для описания СО, войн и конфликтов.

** В частности, коррективы, вносимые лидерами стран, как это делается в США (Biden's Speech to Congress: Full Transcription).

торый подчёркивал огромную роль в развитии мирового терроризма книги султана Б. Махмуда «Судный день и жизнь после смерти: вера в конец Вселенной, как она представлена Священным Кораном» [25], которая стала «научным обоснованием» мировоззрения терроризма.

Иными словами, используя на первом этапе огромную совокупность данных и факторов, опыта и интуиции, которые легли в основу авторской концепции развития военно-силового сценария ВПО в мире, на втором этапе исследования необходимо как можно чаще обращаться к частным примерам и деталям с тем, чтобы учитывать, вносить коррективы, а при необходимости и исправлять общую авторскую концепцию.

Так, например, описывая технологическое лидерство и ставку США на военно-техническое превосходство, которые представляются не просто очевидными, но и доминирующими принципами внешней и военной политики США в мире*, – нельзя упускать из виду, что в других странах и ЛЧЦ, прежде всего Китае, складываются альтернативные центры технологического лидерства, которые смогут в будущем выступить серьёзными конкурентами США и всей западной ЛЧЦ [26], на отдельных направлениях Россия тоже успешно составляет конкуренцию США.

Интернет – это область, где США безусловно лидируют сегодня и где эта ставка на военно-тех-

нологическое превосходство наиболее очевидна [27]. Именно в Интернете в настоящее время заключается один из важнейших элементов доминирования США в мире и силовых возможностей [28]. Однако КНР, создав систему эффективной защиты («золотой щит»), обезопасила себя от таких силовых действий практически полностью.

Важно, что подобные технологии КНР могут использоваться и в России (так же как и в Китае преимущественно российские технологии раннего предупреждения о ракетном нападении – РСПН).

Иными словами, даже та технологическая область, где доминируют США, не является гарантией того, что принцип сохранения технологического превосходства, лежащий в основе военной политики Вашингтона, и важнейшее условие развития ВПО обеспечит реализацию более общей концепции. В данном случае очень важная частная поправка может полностью скорректировать сценарий развития ВПО в будущем [29].

В своё время неожиданное для США создание в СССР технологий производства ядерного оружия и баллистических ракет радикально повлияли на политику США [14].

Этим подтверждается главный вывод относительно характера основного сценария развития ВПО: очевидное и резкое обострение ВПО во втором десятилетии XXI в. продолжает и ещё больше усиливает тенденцию предыдущих лет, которая стала очевидной после войны с Грузией 2008 г.

²⁵ Тенет Дж. В центре шторма. Откровения экс-главы ЦРУ. М.: Коммерсант, 2008. С. 308.

²⁶ The National Military Strategy of the United States of America 2015, Wash., 2015.

²⁷ Подберёзкин А.И. Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: Международные отношения, 2019.

²⁸ Подберёзкин А.И. Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2019.

²⁹ Подберёзкин А.И. Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции // Промышленная политика / под ред. А.С. Булатов. М.: КНОРУС, 2020.

* Так, в The National Military Strategy of the United States of America 2015, в частности говорится: «Наш успех в возрастающей степени будет зависеть от того, насколько хорошо наши военные инструменты смогут обеспечить поддержку другим политическим инструментам...».

Западная коалиция фактически приступила к реализации заключительного этапа – уничтожения России через её внутривластную дестабилизацию, ограничение суверенитета и территориальный развал [16]. Разные конкретные варианты этого базового сценария, которые рассматривались в качестве основных, требуют уточнений как с точки зрения развития международной обстановки и военно-политической обстановки, а так же и с точки зрения конкретных особенностей развития стратегической обстановки, происходящих в настоящее время и в будущих военных конфликтах и войнах [8].

В частности, сверхамбициозные цели в отношении Российской Федерации не являются фантастикой, если к ним относиться с определённым прагматизмом и стремлением избежать крайних рисков, характерных для современной стратегии США.

Так, на первом этапе реализации подобной стратегии наиболее приоритетной является внутривластная дестабилизация и развал страны – в том числе в качестве предварительного условия внешнего прямого вмешательства.

Это было уже не раз в современной истории – в Югославии, Ливии, Ираке, Афганистане, на Украине.

Данная политическая установка предполагает, в частности, сохранение стратегической обстановки в приграничных районах России

максимально напряжённой, а также нарастание активности союзников США, граничащих с Россией по всему периметру и создание новых антироссийских акторов самой широкого политического спектра и специализации: от религиозных, научно-образовательных до военно-спортивных институтов, враждебных нашей стране.

Неслучайно в дискуссии по Конституции в 2020 г. территориальная неделимость России стала одной из ведущих тем.

Издание *Fort Russ*, например, помимо Курильских островов называет ещё две проблемные точки: Калининградскую область и Республику Крым.

«На данный момент утвердилось мнение, что пока Путин во главе государства, сценарий отчуждения территорий от России не может начать развиваться, но при более слабом лидере, как в ситуации в 1990-х годах, движение в этом направлении вполне может начаться», – рассуждает автор издания, добавляя, что предотвратить подобный сценарий как раз сможет внесение изменений в Конституцию.

В другой публикации всё в том же издании *Fort Russ*, приводится мнение американского Центра наук по глобальной безопасности, где вносимые в Основной закон России изменения расцениваются как то, что «Москва не хочет играть по общепринятым в мире правилам игры» [30].

Это означает, что попытка навязать России «демократические» правила потери суверенитета и территориальной целостности под предлогом «универсальных ценностей» будут продолжаться [13].

³⁰ Журавлёв К. Поправки к Конституции: меседж Путина для Запада – территория России неотчуждаема // Газета.ру. 17.02.2020 // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/02/17_a_12964675.shtml.utm_source=smi2&utm_medium=exchange&es=smi2

Субъективный фактор в национальной стратегии России

Гибридная война, развязанная США и их союзниками против России, изначально делала акцент на разрушение внутриполитической стабильности в стране. Исключительное значение при этом имела политика дезинтеграции российской правящей элиты во главе с В.В. Путиным и её уничтожение.

Как, каким образом силовые, прежде всего военно-силовые, средства внешней политики США, формирующие современную СО в мире, смогут повлиять на практическую реализацию военно-силового сценария, т. е. насколько эффективен будет институт национальной стратегии США [11], с одной стороны, и насколько эффективна будет СНБ России в этих условиях – с другой.

Специальная военная операция (СВО) стала важным, но не единственным силовым инструментом России против политики США и возглавляемой ими широкой антироссийской коалиции [3].

Опыт силовых и военных действий США в мире говорит о том, что как спектр таких силовых средств, так и способов их применения постоянно и стремительно расширяется. Они так или иначе проявляются при развитии современных войн, военных и иных конфликтов, формируя стратегическую обстановку в целом, что позволяет рассчитывать на их полноценный анализ.

Учитывая, что первые десятилетия XXI в. насыщены военными событиями, необходимо признать, что анализ влияния военных аспек-

тов на политические стороны развития МО–ВПО приобретает всё более важное значение. При этом стоит признать, что увеличивается и роль субъективных факторов, прежде всего роль конкретной личности. В новом веке, например, стало ясно, что США удалось взять под свой контроль формирование правящих элит в странах-союзниках и партнёрах, фактически создав «кадровый резерв» марионеточных лидеров – от Макрона и Шольца до Зеленского и откровенно зависимых руководителей Молдавии, прибалтийских государств, Словакии, Чехии и Польши [2].

В ещё большей степени сказалось влияние военного строительства в западных странах на военные возможности США и НАТО, которые в ходе военных действий на Украине доказали свою незначительную состоятельность – ни ВВСТ, ни боеприпасы Запада не смогли в 2022–2023 гг. обеспечить ему победу над российскими вооружёнными силами.

Иными словами, влияние изменений, происходящих в СО в мире и на отдельных ТВД, на состояние и перспективы развития ВПО и МО требует отдельного рассмотрения [3, 4].

Странным образом, но именно это влияние, т. е. влияние стратегической обстановки на военно-политическую обстановку (ВПО), не изучается системно и регулярно. Исключения составляют некоторые частные аспекты или даже случаи, когда такое влияние оказывается радикальным и масштабным.

Например, когда в период октябрьского Каприсского кризиса (1962 г.) быстрая эскалация развития СО почти привела к глобальной коалиционной войне.

Это объясняется определённым разрывом между политиками и военными, политологами и военными экспертами в исследовании самого объекта: политики считают, что военно-стратегические аспекты не являются предметом их исследований, а военные – что политические аспекты находятся за пределами их компетенций.

Между тем в военном искусстве положение о том, что сумма военных побед в отдельных сражениях ведёт к победе в войне и политическому результату, никто не отменял и не исключал. Влияние СО, войн и военных конфликтов на формирование ВПО, безусловно, не исчезает, но существенно меняется. Надо иметь в виду, что в настоящее время даже сумма военных побед не гарантирует политической победы. Другими словами, анализируя влияние СО и войн на ВПО, необходимо понимать, что новые особенности применения военной силы в качестве политического инструмента требуют самого внимательного обобщения и анализа предыдущего опыта человеческой цивилизации [23]. Прежде всего, с точки зрения влияния институтов развития государства и общества [31].

Это общее правило, которое всегда существовало в истории военного и политического искусства.

Так, легендарный французский маршал Тюренн долгие годы воевал крайне успешно, применяя по большей части манёвр, а не удар. Но 27 июня 1675 г.

нелепо погиб, выехав на рекогносцировку вражеских позиций под Засбахом. Маршала погубило первое же ядро, пущенное на удачу. Неожиданно старый маршал оказался незаменим. Смерть одного человека порой может иметь далекоидущие последствия, с тех пор считают многие исследователи.

Соотношение субъективных и объективных факторов в политике и военном искусстве остаётся до сих пор огромной неизученной проблемой, к которой периодически приходится возвращаться каждый раз, когда возникает потребность анализа крупных событий. Именно такой анализ, например, необходим при изучении современной политической истории СССР и России. Он невозможен без исследования советской правящей элиты, в частности, очередного этапа развития «внутрисистемной оппозиции», которая в итоге и сгубила КПСС, отношений между «оградителями» и «прогрессистами» в партийной и советской элите [1].

Рассуждения по этому поводу в общем виде суммировал О. Егоров, приведя несколько исторических примеров в качестве доказательства: «Можно говорить как угодно и что угодно, но и Первая мировая, и Вторая мировая (особенно на начальном этапе) принесли славу германскому оружию и германской военной технике. Однако и та и другая война для немцев завершились полным и разгромным поражением. Вот это и создаёт такой вполне определённый парадокс, такой вот “когнитивный диссонанс”: немцы воевали великолепно, но по итогам проиграли (в действительности, если и согласиться с этим мнением, то необходимо добавить, что с 1943 г. РККА и её командиры воевали не хуже, а с 1944 г. – лучше немцев. – Авт.).

...В принципе данный результат не является беспрецедентным: легендарный Ганнибал, например, одержал серию блистательных побед в сраже-

³¹ Байгузин Р.Н., Подберёзкин А.И. Политика и стратегия. М.: Юстицинформ, 2021.

ниях с римской армией, и ни до него, ни после него никому против римлян повторить подобное не удавалось, однако вторую Пуническую он проиграл вчистую. Нестыковочка такая возникает в голове тех, кто пытается изучать историю: блистательные победы на полях сражений – и полный и окончательный разгром по итогам. Более того, легендарный Наполеон Бонапарт славен практически тем же: длинная серия блистательных побед на европейских полях сражений, после чего – бесславный крах империи. И надо честно (положа руку на сердце) признать, что наполеоновская армия была лучшей в Европе» [32].

Конечно, «нестыковочка» возникает в головах тех, кто не может разделить понятия «политика» и «война». Тем не менее для нас и сегодня важно, что сами по себе военные победы могут привести к *разным политическим результатам*, но один результат будет всегда: военные победы или поражения, как и любые военные действия, меняют стратегическую обстановку, а та, в свою очередь, меняет ВПО и порой даже МО [33].

Таким образом, для более точного анализа состояния и прогноза развития конкретного варианта сценария ВПО желательно максимально подробно рассмотреть влияние на формирование ВПО не только общих тенденций в развитии человечества, сценариев развития МО и их вариантов (сверху, логически, методом дедукции), но и таких факторов, которые развиваются и находятся в процессе формирования СО, развития отдельных войн и военных конфликтов. Особенно роли институтов развития, о чём иногда забывают.

Такая «индукция» позволяет скорректировать формально-логические умозаключения развития ВПО как части и следствия развития того или иного сценария МО, сделанные на основании общей информации, эрудиции и интуиции [14], но она же зависит от идеологической системы, прежде всего адекватности оценки состояния МО–ВПО и национальной стратегии.

Библиография • References

Андрянов К.Н., Любимов А.П., Побываев С.А. [и др.]. Необходимость и важнейшие направления развития системы стратегического планирования социально-экономического развития в РФ // Представительная власть – XXI век. 2020. № 1–2. С. 35–41.

[Andrianov K.N., Lyubimov A.P., Pobываev S.A. [i dr.]. Neobhodimost' i vazhnejshie napravleniya razvitiya sistemy strategicheskogo planirovaniya social'no-ekonomicheskogo razvitiya v RF // Predstavitel'naya vlast' – HKHI vek. 2020. № 1–2. S. 35–41]

Байгузин Р.Н., Подберёзкин А.И. Политика и стратегия. М.: Юстицинформ, 2021. – 768 с.

[Bajguzin R.N., Podberiozkin A.I. Politika i strategiya. M.: YUsticininform, 2021. – 768 s.]

Детерёв Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М.: РУСАНС, 2020. – 214 с.

³² Егоров О. Потерянные победы и победы бессмысленные // Военное обозрение. 2018. 1 мая // URL: www.topwar.ru/2018/01/05

³³ Biden's Speech to Congress: Full Transcription // The New York Times, 29.04.2021.

- [*Degterov D.A.* Ocenka sovremennoj rasstanovki sil na mezhdunarodnoj arene i formirovanie mnogopolyarnogo mira. M.: RUSANS, 2020. – 214 s.]
- Егоров О.* Потерянные победы и победы бессмысленные // Военное обозрение. 2018. 1 мая // URL: www.topwar.ru/2018/01/05
- [*Egorov O.* Poteryannye pobedy i pobedy bessmyslennye // Voennoe obozrenie. 2018. 1 maya // URL: www.topwar.ru/2018/01/05]
- Журавлёв К.* Поправки к Конституции: меседж Путина для Запада – территория России неотчуждаема // Газета.ру. 17.02.2020 // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/02/17_a_12964675.shtml.utm_source=smi2&utm_medium=exchange&es=smi2
- [*Zhuravlyov K.* Popravki k Konstitucii: messedzh Putina dlya Zapada – territoriya Rossii neotchuzhdaema // Gazeta.ru. 17.02.2020 // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/02/17_a_12964675.shtml.utm_source=smi2&utm_medium=exchange&es=smi2]
- Зарудницкий В.Б.* Факторы достижения победы в военных конфликтах будущего // Военная мысль. 2021. № 8. С. 34–47.
- [*Zarudnickij V.B.* Faktory dostizheniya pobedy v voennyh konfliktah budushchego // Voennaya mysl'. 2021. № 8. S. 34–47]
- Изумрудная Я.* В чём состоит новая стратегия РФ «Суровикин 2.0» // Главный канал ТВ. 2023.30.03 // URL: <https://glavny.tv/last-news/omsk/putin-zayavil-o-tom-chto-v-omskoy-oblasti-est-mnozhestvo-nereshennyh-zadach/>
- [*Izumrudnaya YA.* V chyom sostoit novaya strategiya RF «Surovikin 2.0» // Glavnyj kanal TV. 2023.30.03 // URL: <https://glavny.tv/last-news/omsk/putin-zayavil-o-tom-chto-v-omskoy-oblasti-est-mnozhestvo-nereshennyh-zadach/>]
- Ильницкий А.М.* Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 29–33.
- [*Il'nickij A.M.* Mental'naya vojna Rossii // Voennaya mysl'. 2021. № 8. S. 29–33]
- Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: Граница, 2018. – 512 с.
- [*Koncepciya obosnovaniya perspektivnogo oblika silovyh komponentov voennoj organizacii Rossijskoj Federacii.* M.: Granica, 2018. – 512 s.]
- Лиддел Гарт Б.* Стратегия не прямых действий. М.: АСТ, 2018. – 512 с.
- [*Liddel Gart B.* Strategiya nepryamuh dejstvij. M.: AST, 2018. – 512 s.]
- Мартынов Е.И.* Политика и стратегия. Сб. трудов. М.: Финансовый контроль, 2003. – 448 с.
- [*Martynov E.I.* Politika i strategiya. Sb. trudov. M.: Finansovyy kontrol', 2003. – 448 s.]
- Министры иностранных дел стран НАТО встретятся во вторник и среду (23–24 марта 2021 г.), чтобы подготовить почву для предстоящего саммита в Брюсселе // URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_182569.htm
- [*Ministry inostrannyh del stran NATO vstretyatsya vo vtornik i sredu (23–24 marta 2021 g.), chtoby podgotovit' pochvu dlya predstoyashchego sammita v Bryussele* // URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_182569.htm]
- Михневич Н.П.* История военного искусства с древнейших времён до XVII столетия. М.: Вече, 2021. – 288 с.
- [*Mihnevich N.P.* Istoriya voennogo iskusstva s drevnejshih vremyon do XVII stoletiya. M.: Veche, 2021. – 288 s.]
- Подберёзкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: Международные отношения, 2020. – 312 с.

[Podberyozkin A.I. Vojna i politika v sovremennom mire. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2020. – 312 s.]

Подберёзкин А.И. Национальная стратегия в 20-е годы XXI столетия: возможные и вероятные варианты // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. Сб. материалов круглого стола ВАГШ ВС РФ (19 августа 2022 г.) / под общ. ред. А.С. Коржевского. М.: УМЦ, 2022. – 544 с.

[Podberyozkin A.I. Nacional'naya strategiya v 20-e gody XXI stoletiya: vozmozhnye i veroyatnye varianty // Tendencii razvitiya sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij i ih vliyanie na upravlenie nacional'noj oboronoj Rossijskoj Federacii. Sb. materialov kruglogo stola VAGSH VS RF (19 avgusta 2022 g.) / pod obshch. red. A.S. Korzhevskogo. M.: UMC, 2022. – 544 s.]

Подберёзкин А.И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки. М.: Юстицинформ, 2021. – 1080 с.

[Podberyozkin A.I. Ocenka i prognoz voenno-politicheskoy obstanovki. M.: YUsticininform, 2021. – 1080 s.]

Подберёзкин А.И. Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: Международные отношения, 2019. – 808 с.

[Podberyozkin A.I. Politika strategicheskogo sderzhivaniya Rossii v XXI veke. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. – 808 s.]

Подберёзкин А.И. Риск начала Третьей мировой войны не просто сохраняется, он стремительно усиливается // Национальная оборона. 2021. № 4. С. 9–18.

[Podberyozkin A.I. Risk nachala Tret'ej mirovoj vojny ne prosto sohranyaetsya, on stremitel'no usilivaetsya // Nacional'naya oborona. 2021. № 4. S. 9–18]

Подберёзкин А.И. Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: Международные отношения, 2019. – 462 с.

[Podberyozkin A.I. Rol' SSHA v formirovanii sovremennoj i budushchej voenno-politicheskoy obstanovki. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2019. – 462 s.]

Подберёзкин А.И. Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции // Промышленная политика / под ред. А.С. Булатов. М.: КНОРУС, 2020. С. 151–176.

[Podberyozkin A.I. Sovremennaya voenno-promyshlennaya politika v usloviyah chetvertoj promyshlennoj revolyucii // Promyshlennaya politika / pod red. A.S. Bulatov. M.: KNORUS, 2020. S. 151–176]

Подберёзкин А.И. Современное мироустройство, силовая политика и идеологическая борьба. М.: Международные отношения, 2021. – 790 с.

[Podberyozkin A.I. Sovremennoe miroustrojstvo, silovaya politika i ideologicheskaya bor'ba. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2021. – 790 s.]

Подберёзкин А.И. Стратегия национальной безопасности и стратегическое планирование в условиях резкого обострения военно-политической обстановки // Трансформация войны и перспективные направления развития содержания военных конфликтов. Сб. материалов круглого стола ВАГШ ВС РФ. М., 2023. – 239 с.

[Podberyozkin A.I. Strategiya nacional'noj bezopasnosti i strategicheskoe planirovanie v usloviyah rezkogo obostreniya voenno-politicheskoy obstanovki // Transformaciya vojny i perspektivnye napravleniya razvitiya soderzhaniya voennyh konfliktov. Sb. materialov kruglogo stola VAGSH VS RF. M., 2023. – 239 s.]

Подберёзкин А.И. Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020. – 610 с.

- [Podberyozkin A.I. *Chelovecheskij kapital i nacional'naya bezopasnost'*. M.: Prometej, 2020. – 610 s.]
- Подберёзкин А.И., Александров М.А., Артамонов Н.В. Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса: монография / отв. ред. А.И. Подберёзкин. М.: МГИМО-Университет, 2021. – 478 с.
- [Podberyozkin A.I., Aleksandrov M.A., Artamonov N.V. *Teoreticheskie i matematicheskie metody analiza faktorov formirovaniya oboronno-promyshlennogo kompleksa: monografiya* / отв. ред. А.И. Подберёзкин. М.: МГИМО-Университет, 2021. – 478 s.]
- Подберёзкин А.И., Родионов О.Е. Институты развития человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики // *Обозреватель-Observer*. 2021. № 7. С. 33–47.
- [Podberyozkin A.I., Rodionov O.E. *Instituty razvitiya chelovecheskogo kapitala – al'ternativa silovym sredstvam politiki* // *Obozrevatel'-Observer*. 2021. № 7. С. 33–47]
- Подберёзкин А.И., Родионов О.Е. Современная национальная стратегия России в области военной безопасности: монография. М.: МГИМО-Университет, 2022. – 440 с.
- [Podberyozkin A.I., Rodionov O.E. *Sovremennaya nacional'naya strategiya Rossii v oblasti voennoj bezopasnosti: monografiya*. М.: МГИМО-Университет, 2022. – 440 s.]
- Стенограмма выступления Путина на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021». 27.01.2021 // URL: president.org/27/01/2021
- [Stenogramma vystupleniya Putina na onlajn-forume «Davosskaya povestka dnya 2021». 27.01.2021 // URL: president.org/27/01/2021]
- Тенет Дж. В центре шторма. Откровения экс-главы ЦРУ. М.: Коммерсант, 2008. – 575 с.
- [Tenet Dzh. *V centre shtorma. Otkroveniye eks-glavy CRU*. М.: Kommersant, 2008. – 575 s.]
- Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблишер, 2021. – 471 с.
- [Trenin D. *Novyj balans sil: Rossiya v poiskah vneshnepoliticheskogo ravnovesiya*. М.: Al'pina Pablisher, 2021. – 471 s.]
- Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Ст. 11 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>
- [Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 marta 2023 g. № 229 «Ob utverzhdenii Konceptii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii». St. 11 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>]
- Фрайтаг-Лорингховен Г. фон. Полководческое искусство. М.: АСТ, 2019. – 416 с.
- [Frajtag-Loringhoven G. fon. *Polkovodcheskoe iskusstvo*. М.: AST, 2019. – 416 s.]
- Халдей А. Что делать с ненадёжностью политической элиты России? // *Регнум*. 2021. 2 марта // URL: <http://regnum.ru/news/polit/3203621>
- [Haldej A. *CHto delat' s nenadyozhnost'yu politicheskoy elity Rossii?* // *Regnum*. 2021. 2 marta // URL: <http://regnum.ru/news/polit/3203621>]
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. – 640 с.
- [Hantington S. *Stolknovenie civilizacij*. М.: AST, 2016. – 640 s.]
- Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligent Community. Office of the Director of National Intelligent. Wash., 2021. April, 9. – 27 p.

Biden J.R. Interim National Security Strategy Guidance. Wash.: White House, 2021. March. – 15 p.

Biden's Speech to Congress: Full Transcription // The New York Times. 29.04.2021.

Rabin A., Davis L., Geist E., Yang E. [et al.]. The Future of the Russian Military. Report. RAND Corporation, 2019. – 116 p.

The National Military Strategy of the United States of America 2015, Wash., 2015. – 24 p.

Статья поступила в редакцию 21 июня 2023 г.